

Специфика языкового контакта в оккупации

Abstract. This paper discusses the main principles for the study of language policy of the occupying forces in some Slavic countries during the Second World War (1939–1945). Furthermore, the issue of the specificity of language contact under these circumstances is raised.

Key words: language policy, language contact, occupation.

Феномен языковой политики во время оккупации не часто находит место в работах лингвистов. В сегодняшней социалингвистике эта тема рассматривается, в основном, в контексте общей проблематики языкового планирования, несмотря на то, что здесь, как правило, речь идёт о нетрадиционных компонентах языковой политики (ЯП). Для оккупационной политики в области языка характерны следующие особенности: 1) внезапность изменения ЯП; 2) её кардинальное отличие от ранее проводимой ЯП; 3) появление в языковой ситуации нового и нередко нетрадиционного для данной территории языка; 4) более широкий и радикальный спектр мер воздействия и принуждения населения при проведении в жизнь намеченной ЯП; 5) относительно кратковременный период проведения оккупационной ЯП; 6) разработка и руководство ЯП извне; 7) изменение традиционных целей ЯП; 8) необходимость в привлечении большого числа посредников в коммуникации (переводчиков и под.); 9) проведение ЯП на фоне общего стрессового состояния психики местного населения и оккупантов и т. д.

Как нам кажется, можно сформулировать следующие основные принципы изучения языковой политики в оккупации.

Принцип первый: первичной территориальной единицей изучения ЯП должен быть оккупационный округ¹, а не территория оккупированной страны в довоенных её границах.

Так, например, в границах довоенной Польши можно выделить два, а по сути, при более детальном рассмотрении, ещё больше типов оккупационной языковой политики. Самые большие отличия наблюдаются между территориями, присоединёнными к Рейху, и т. н. Генерал-губернаторством, а также национальными округами оккупированной Польши (Белостокским округом, округом Галиция, Нижней и Верхней Шлезией и некоторыми другими).

В т. н. Вартеянде – западной польской провинции, созданной после оккупации Польши и включённой в Рейх (Reichsgau Wartheland), – ЯП включала в себя следующие основополагающие принципы²: жесткий контроль за использованием немецкого языка не только в общественных местах, но и во многих аспектах личной жизни: обязательное использование немецкого языка гражданами рейха (вплоть до наказаний за необоснованное использование польского

¹ Условное название для административно-территориальных единиц в оккупированной стране.

² По архивным документам оккупационной администрации Польши (1939–1944) и немецких государственных учреждений того времени, опубликованным в [Hansen 1994].

или других языков, кроме немецкого); препятствование спонтанному двуязычию немецких детей (прежде всего, немецко-польскому); поощрение двуязычия немецких чиновников, работающих с польским населением, которое рассматривается как признак превосходства немецкой расы; срочное и интенсивное обучение немецкому языку переселенцев (прибалтийских, бессарабских и др. фольксдойче) и «онемечивающихся лиц» до безукоризненного (*einwandfrei*) уровня. При отсутствии добровольности в освоении немецкого языка и культуры предусматривались штрафы и иные меры наказания, вплоть до выселения на первоначальные места проживания вне Рейха. Для поляков предусматривался только рудиментарный немецкий язык (исключения возможны исходя из экономической необходимости). Оккупационная ЯП в отношении поляков отличалась непоследовательностью: с одной стороны, декларировалась нежелательность полноценного владения поляками немецким языком ¹, с другой – школы для поляков в Вартелянде (в отличие от Генерал-губернаторства) организовывались без польского языка обучения. Координация и проведение языкового строительства в регионе проводилось Окружным отделом по вопросам национальностей (*Gauamt für Volkstumsfragen*). Эти меры отвечали стратегическим целям немецких властей на территориях, включённых в Рейх: слияние всех немецких переселенческих потоков (*Verschmelzung aller deutschen Siedlerströme*), онемечивание некоторых «подходящих» жителей Польши; расово-национальная сегрегация населения – приобщение местного польского населения к немецкому языку допускалось лишь настолько, насколько это было необходимо для его трудовой эксплуатации.

В Генерал-губернаторстве (ГГ) проводимая ЯП отличалась большей толерантностью к польскому языку и особенно к языкам национальных меньшинств (украинскому, русскому, белорусскому, горальскому). Интересно, что эти языки почти во всех архивных документах предстают как приоритетные по сравнению с польским языком. Подобная языковая иерархия (по убывающей: немецкий – языки нацменьшинств ² – польский) и соответствующая ЯП отвечали стремлению оккупантов выделить в польском населении как можно больше разных национальных групп в соответствии с принципом «*Divide et impera*». Различие между школьной политикой в округе Вартелянд и в ГГ также было очевидно – первый стараниями его руководителя Артура Грайзера (*Arthur Karl Greiser*) стремился быть образцом в организации школьного дела не только для восточных территорий, но и для всего Рейха, во втором – особенно с нарастанием военных неудач, увеличивалось заигрывание с польским населением и особенно с национальными меньшинствами.

¹ Позволим себе привести удивительную выдержку из одного документа (письмо главы округа Вартелянд об «Использовании польского языка поляками» от 23.02.1943 года), где, по сути, даётся указание о **пиджинизации** немецкого языка при его преподавании полякам: *...die deutsche Sprache wird vokabelmäßig gelernt, darf aber grammatikalisch nicht richtig gesprochen werden* ‘...изучается лексика немецкого языка, но грамматически правильная немецкая речь не допускается’ [Hansen 1994: 84].

² Кроме идиша и цыганского.

Таким образом, на территории довоенной Польши можно выделить, как минимум, два типа ЯП: во-первых, на восточных территориях, включённых в Рейх, проводилась стратегическая политика онемечивания или «возвращения к немецкой нации» определённых слоёв населения, а немецкий язык приобрёл расово-дифференцирующую функцию; во-вторых, в Генерал-губернаторстве проводилась более прагматичная ЯП, подчинённая ближайшим тактическим целям (экономической целесообразности, противопоставлению групп польского населения по национальному признаку и т. д.). Если рассмотреть другие административные округа с точки зрения сложившейся там к началу оккупации языковой ситуации, то, несомненно, следует выделить также особенности ЯП в Галиции (Distrikt Galizien), в округе Белосток (Bezirk Białystok), в провинциях Верхняя и Нижняя Шлезия (Provinz Oberschlesien и Provinz Niederschlesien).

Не останавливаясь на специфике ЯП в других округах Польши, покажем, что принцип «одна страна – несколько типов языковой политики» действовал и на других оккупированных территориях.

Заявленный выше принцип первичности территориальной оккупационной единицы над довоенным административным делением при изучении оккупационной ЯП виден и на примере Беларуси (см., например, [Antipova 2012]). Здесь налицо несовпадение понятий БССР и Вайсрутения (Weißruthenien) с точки зрения проводимой там во время оккупации ЯП. Для анализа оптимальным было бы разделение территории сегодняшней Беларуси на следующие регионы:

- Западная Беларусь (без полесской части, отнесённой к Генеральному комиссариату (ГК) Украина). Выделение этого региона обусловлено не особенной ЯП, проводимой там ¹, а особой языковой ситуацией, сложившейся в этом регионе перед войной ²;

- Полесский регион, отнесённый к ГК Украина с соответствующей ЯП;
- Средняя Беларусь с ЯП, проводимой ГК Беларусь;
- Восточная Беларусь, которая оставалась весь период оккупации тыловой зоной вермахта и подчинялась военной администрации.

Также и пример Словении во время Второй мировой войны показывает, что необходимо абстрагироваться от территориального понятия «страна, республика», которое подразумевает административно-политическую единицу, и обратиться при анализе языкового строительства в оккупации к понятию «регион», который характеризуется единством языковой политики и относительным единством языковой ситуации. В оккупированной Словении можно выделить три вида ЯП в соответствии с делением на итальянскую, венгерскую и немецкую зону оккупации. Итальянская зона оккупации характеризовалась толерантной языковой и культурной политикой, особенно в первый период оккупации: никаких ограничений в области употребления словенского языка в образо-

¹ ЯП в Западной Беларуси формально соответствовала общей ЯП Генерального комиссариата Беларусь.

² Языковая ситуация в этом регионе связана с чередой оккупаций последних десятилетий перед войной и характеризовалась конкуренцией, прежде всего, польского, белорусского и русского языков.

вании и прессе не существовало. Самым главным изменением стало параллельное использование итальянского языка в прессе и общественных местах (см., например, архивные документы и работы [Пилько 2009; Ferenc 1980; Cvetković-Sander 2011] и др.).

Радикально противоположной была ЯП в немецкой зоне оккупации Словении, которая считалась идеологами Рейха исконной немецкой территорией, колонизированной позднее словенцами. Оккупационная ЯП была здесь самой жёсткой по отношению к языку и культуре местного населения – полный запрет словенского языка в общественной жизни и образовании, изъятие всех книг на словенском, исключительное использование немецкого языка и полное онемечивание оставшегося на данной территории словенского населения. В венгерской зоне оккупации проводилась похожая политика полной мадьяризации с уничтожением письменных источников на словенском языке. Небольшие уступки в виде разрешения факультативного преподавания на словенском языке в первых четырёх классах начальной школы и особый статус немецкоязычного населения не меняли общей картины жёсткой политики мадьяризации, которая, как и ЯП немецкой оккупационной зоны, оправдывалась идеей «возвращения» исконных территорий.

Принцип второй: соотношение понятий «оккупационный режим» и «языковая политика» имеет гибкий характер. Это означает следующие.

1. Разные оккупационные власти могут проводить одинаковую или схожую ЯП. Примером подобного типа может быть смена оккупационного режима в бывшей «итальянской» части Словении. После капитуляции Италии Германия заняла т. н. Люблянскую провинцию, находившуюся ранее в оккупационной зоне Италии. Несмотря на смену режима, Германия проводила в этой части Словении ЯП, которая продолжала в общих чертах линию поведения Италии в вопросе отношения к словенскому языку и культуре¹. И это положение дел не следует считать простой преемственностью в проведении оккупационной политики двух ранее союзных стран – в соседней части Словении (в начальной немецкой зоне оккупации – Нижней Штирии и Верхней Крайне) ЯП была полностью противоположной, основанной, как было сказано выше, на полном отрицании словенского языка и культуры.

2. Один и тот же оккупационный режим может проводить на одной и той же территории разную ЯП. Например, в Беларуси после убийства В. Кубе (Wilhelm Richard Paul Kube) и назначения генеральным комиссаром Курта фон Готтберга ([Curt von Gottberg](#)) проводившаяся ранее политика белорусификации сменилась, по сути, на русификаторскую².

Вторичность языковой и культурной политики по сравнению с военной и экономической составляющими оккупации обусловили, как минимум, две

¹ За исключением, может быть, того, что за немецким языком признавался приоритет.

² Точнее ЯП при новом генеральном комиссаре можно было бы назвать нейтральной, что на деле означало регресс в деле белорусизации «Белорутении».

причины, по которым ЯП может изменяться в течение оккупации. Во-первых, это тактические интересы оккупационных властей (примером может служить смягчение ЯП для привлечения на свою сторону населения в Польше (в основном, в Генерал-губернаторстве), в Словении (в Люблянской зоне оккупации) и других странах в связи с негативным для вермахта развитием военной кампании. Во-вторых, смена ключевых личностей в оккупационной системе власти (упоминавшаяся уже ситуация в Беларуси).

3. Разумеется, для полноты картины упомянем и обычный вариант соотношения оккупационного режима и ЯП: новый режим – новая ЯП (Прибалтика, Западная Беларусь и Украина, Нижняя и Верхняя Шлезия и т. д.).

Принцип третий: комплексный анализ оккупационной ЯП должен сочетать в себе рассмотрение, как минимум, следующих компонентов языкового строительства:

- идеологическая (пред)установка оккупационных властей по ЯП для данного региона;
- преподавание языков в учебных заведениях во время оккупации;
- язык(и) делопроизводства оккупационной гражданской администрации;
- язык(и) сми, культура, наука и религиозные культы;
- отношение оккупационных властей к языкам национальных меньшинств на данной территории;
- распределение языков в некоторых сферах общественной жизни (ЯП в прогерманских национальных военных и военизированных подразделениях, в местах лишения свободы, во время принудительных работ, в гетто и т. д.);
- ЯП в отношении местных или приезжих фольксдойче и переселенцев из других регионов;
- востребованность в посредниках при коммуникации с местным населением (переводчики);
- результаты проводившейся ЯП к моменту окончания оккупации и её замена на ЯП новых властей и т. д.

Принцип четвёртый: оккупационная ЯП должна рассматриваться на фоне сложившейся на данной территории к началу оккупации языковой ситуации. Результаты и, самое главное, восприятие ЯП оккупантов не могут быть правильно оценены без привлечения синхронного и исторического контекста. Так, проводимая В. Кубе в оккупированной Беларуси языковая и культурная политика воспринималась по-разному (часто противоположно) белорусским и польским населением (особенно, в Западной Беларуси). Подобная ситуация наблюдалась, например, и в Нижней и Верхней Шлезии и других территориях, где проживали группы населения с разным национальным и культурным составом, а также разным политическим опытом.

Ещё один вопрос, который хотелось бы осветить в статье – причины изменения контактных языковых ситуаций во время Второй мировой войны. При этом языковой контакт рассматривается не только как взаимодействие языков (например, их интерференция, смешение), но и с точки зрения динамики языко-

вого контакта: изменения статуса и состава контактирующих языков, усилий и мер оккупационных властей, направленных на изменение характера контакта и т. д.

Главными факторами, обусловившими изменения в контактной ситуации на оккупированных территориях были:

– политическая установка на ослабление больших (титульных) наций путём выделения и поддержки национальных меньшинств → изменения контактной ситуации между языками из-за изменения статуса контактирующих языков (приведенный выше пример о взаимоотношении языков национальных меньшинств и польского языка в Польше). Предельно ясно по этому поводу высказался в 1940 году Генрих Гиммлер в своих «Некоторых мыслях по обращению с чуждыми народами на Востоке» («Einige Gedanken über die Behandlung der Fremdvölkischen im Osten») (цит. по [Hansen 1994]):

«При обращении с чуждыми народами на Востоке мы должны признать и поддерживать как можно больше отдельных народностей, т. е. наряду с поляками и евреями также украинцев, белорусов, горалов, русинов и кашубов. Если где-нибудь найдётся ещё какой-нибудь небольшой народ – то и его» и «Этническое расчленение по принципу *разделяй и властвуй* должно облегчить управление автохтонным населением».

Вариантом политики ослабления больших наций по принципу *divide et impera* была, в немалой мере, и поддержка национального языка по отношению к русскому (польскому) языку (Беларусь, Украина).

Другие факторы изменения контактной ситуации в оккупации:

– насильственное введение в состав взаимодействующих языков языка новой метрополии.

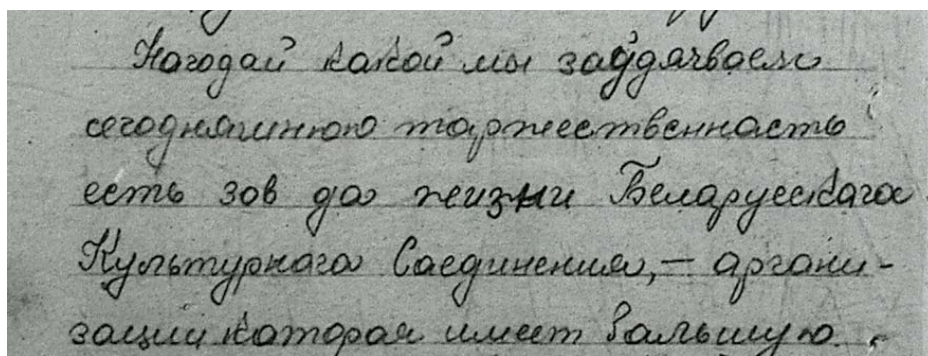
Вмешательство в контактную ситуацию «языка-оккупанта», «языка новой метрополии» – немецкого, итальянского, венгерского, словацкого и т. д. (от абсолютно доминантного статуса до сознательно минимизированного). Как было показано в первой части статьи, на оккупированных территориях можно найти примеры языкового строительства как одноязычной языковой ситуации с доминантным статусом «языка-оккупанта» (немецко-австрийская часть Словении; Бессарабия, где использование русского языка было законодательно запрещено румынскими оккупационными властями), так и сознательного ограничения распространения среди автохтонного населения языка новой метрополии (например, немецкого языка в Польше).

– изменение административной отнесенности разных частей стран после оккупации. Наиболее показательными в этом отношении были такие оккупированные страны, как Беларусь, Польша, Словения, Чехия, которые были разделены на несколько оккупационных районов, в каждом из которых проводилась разная ЯП.

Частным вопросом проблемы языкового контакта в оккупации является смешение белорусского и русского языка в период оккупации. Мало у кого может возникнуть сомнение, что интерференция русского и белорусского языков наблюдалась не только в послевоенный период (т. н. трясанка). Постоянный

контакт русского и белорусского языков, сталинская языковая политика на территории Центральной и Восточной Беларуси в довоенный период, конечно же, обусловили интерференционные процессы в белорусском языке и в белорусском варианте русского языка того времени. Особенно заслуживающим изучения мне представляется контакт языков во время оккупации в больших белорусских городах, в частности, Минске.

Необычность языкового контакта во время оккупации определяют здесь следующие особенности: во-первых, кардинально иная языковая политика новых властей (прежде всего, моментальная белорусизация общественной жизни, прессы и примат национальных ценностей); во-вторых, радикальное изменение состава и численности населения Минска (эвакуация на восток преимущественно русскоязычного чиновничества и армии, прекращение миграции сельского населения в город); в-третьих, возвращение из эмиграции и активизация местных национально ориентированных лидеров; в-четвёртых, параллельное с белорусским языком использование в общественной и официальной жизни немецкого языка. Сохранившиеся со времён оккупации официальные документы, в большинстве своём, написаны или на нерусифицированном белорусском языке, или на немецком языке. Один из немногих сохранившихся в Белорусском национальном архиве документ, представляющий живую смешанную речь того времени, – это описание торжественного заседания по случаю основания «Белорусского культурного союза» («Беларускага культурнага згуртавання»). Документ представляет собой рукопись на тридцати пяти двусторонних листах ученической тетради. Датировать документ можно, скорее всего, февралём 1943 года. Язык документа можно определить как русско-белорусский смешанный язык с элементами сменны и смешения кодов, отдельными русско-белорусскими гибридами.

Рамки данной статьи, к сожалению, не позволяют более подробно остановиться на этом документе, но его наличие позволяет говорить о возможности изучения языковой интерференции времён оккупации.

Список литературы

1. Antipova, A. Nationalsozialistische Sprachpolitik in Weißruthenien / A. Antipova // Reichskommissariat Ostland. Paderborn; München; Wien; Zürich, 2012. S. 189–208.
2. Cvetković-Sander, K. Sprachpolitik und nationale Identität im sozialistischen Jugoslawien (1945–1991) / K. Cvetković-Sander. Wiesbaden, 2011.
3. Ferenc, T. Quellen zur nationalsozialistischen Entnationalisierungspolitik in Slowenien 1941–1945 / T. Ferenc. Obzorja, 1980.
4. Hansen, G. (Hrsg.). Schulpolitik als Volkstumspolitik. Quellen zur Schulpolitik der Besatzer in Polen 1939–1945 / G. Hansen (Hrsg.). Münster; New York, 1994.
5. Пилько, Н. С. Словения в годы оккупации 1941–1945 гг. / Н. С. Пилько. М., 2009.